

30p

Шилков Леонид Васильевич родился в 1922 году в г. Харбин КНР. В 1929 г. семья вернулась в Россию. В 1943 - 1945г - стрелок-радист на фронтах Великой Отечественной войны. Более сорока лет работал учителем - словесником в сельских школах Куйтунского района Иркутской области, «Отличник народного просвещения». Главные увлечения в жизни: басни, шахматы,

составление шахматных этюдов, составление оригинальных и замысловатых кроссвордов, игра на баяне и струнных музыкальных инструментах.

Печатался в газетах районного, областного и российского масштаба: «Восточно-Сибирская правда», «Сельская молодёжь», «Земля», «Ветеран», в журналах «Земля сибирская, дальневосточная» и «Шахматы в СССР».

Ныне пенсионер, живёт в г. Тулуне Иркутской области, сотрудничает с газетами «Наша жизнь в присаянском крае» и «КОМПас».

84p

Ш57

Леонид Шилков

Современные БАСНИ

Две монеты

Лежали рядом в кассе две монеты:
Рубль Золотой и Рубль Простой.
«Ты мой сосед? Ну не кошмар ли это?! -
Спесиво злился Золотой. -
Мне быть с тобой бок о бок не пристало!
Я новенький! Из благородного металла!
Монета лучезарной красоты!
Да будь я даже в Эрмитаже экспонатом,
В момент бы стал лауреатом!
А ты?...» -
«А я на взгляд, конечно, не картинка.
Старел, тускнел. Слегка помят.
С царапинками. Грязноват.
А в центре... в центре узкая щербинка!
Уж так случилось: тусклый мой металл
Ножу убийцы помешал
Вонзиться в сердце человека...
Доволен я планидою своей!
Считай, полвека
Бывал я более в руках простых людей.
Трудыги-работяги! Зачастую
Им за делами не до чистоты,
Но в тех делах всегда они чисты...» -
«Я проклял бы судьбу такую!
Трудыги - это ж голытьба,
Двуногая рабочая скотина
У господина.
Его судьба - судьба раба!
Вчера мне выпало попасть к банкиру.
Какой джентльмен! Он взял меня такой
Ухоженной рукой...» -
«Спесивый льстец! - не выдержал Простой. -
Ты воздаёшь хвалу вампиру!

Он порожденье сатаны.
На совести его разор страны
И голытьбы несчастной муки.
Холёны его руки,
Да вот дела черны, -
И напрямик, задорно:
Кому ж из нас соседом быть зазорно?»

Медвежий гнев

Топтыгин распекал Быка:
«Ты пьянствовать! Работать абы как!
Да будь хоть кум ты королю,
В три шеи выгоню! Не потерплю!»

А Бык чуть тёпленький: «Позволь...
Какой король...
Вот сказанул... я не того...
И краем глаза не видал его...
Я кумом довожусь... Слону!..»

Тут в пот Медведя бросило: «Да ну?!
Ты... вы в родстве с моим
Начальником прямым?
Фух!.. Что за день! На всех зазря ору!
Не с той ноги, знать, встал я поутру!»

Незванная Хавронья

К Быку на именины
Его дражайшей половины,
Как вихрь какой, Хавронья принеслась:
«Мое сердечное хозяйке поздравленье...
Честной компании нижайшее почтенье...
Отменное застолье. Вот наемся всласть!»

Хозяин к ней: «Постой: на угощенье
Никто не приглашал тебя». - «Хрю, хрю...
Я то и говорю:

Дела проклятые! Такая жалость,
Что из-за них немного задержалась.
Сейчас устроюсь... Эй, Полкан!
Подайся вбок! Расселся, словно пан!»

Полкан ощерился: «Нахальная грязнуха!
Катись домой, а то хвачу за ухо!» -
«Ты! Лопоухий дуралей!
Я так хвачу, не соберёшь костей!
Сидишь, поджавши хвост, ну и не твякай!
Командуй над своею Шавкой!
Сдвигайся к Лошади! Скорей!»

Полкан вскочил: «Да гнать сё взащей!»

Пришлось Быку вмешаться: «Не шумите,
Садись, коли пришла, вон рядышком с Козлом».

Хавронья мигом оказалась за столом,
Уж тут она в своем корыте!
Давясь и чавкая, хватала жадным ртом
Всё, что под рыло попадало.
Как будто бы какая-то метла
Сметала пищу со стола.
И всё жадюге было мало,
Гребла ногами харч к себе, гребла...
Остановилась, фыркнула, отёрла

О ноги рыло и опять
Давай по-прежнему хватать и жрать
В три горла!

Бык не стерпел: «Пошла! Ко всем свиньям!
Застолье всё испортишь нам!»

Свинья рыгнула: «О... одну минутку...»

На стол запрыгнула, рывком

К бачку с вином

И - на пол вместе со столом.

Бык рассердился не на шутку:

Свинью на рог

И бросил за порог.

А ей и горя мало. Встала

И, не смутясь нимало,

Промолвила с почтением: «Хрю, хрю...

За хлеб, за соль благодарю!»

Бык рвёт и мечет: «Хулиганка!

Предам тебя суду!» -

«Я то и говорю: должны мы жить в ладу,

Жди завтра спозаранку,

С обедками управиться приду».

Старушки

Чай гоняя как-то вечером,

Смотрели две старушки телепередачу

О муже государственном одном,

Уже совсем как лунь седом,

И толковали с живостью о нём.

- Видать, навек сдружился он с удачей.

Богатенький. От жизни всё берет.

- Вот-вот...

Как у Христа за пазухой живёт.

- Да-а... голова всему достаток.

Не обошлось, быть может, и без взяток.

- А всем старик собой хорош:

И ростом взял, и статью, и пригож.

- Живучий. Разменял восьмой десяток,

А выглядит на шестьдесят.

Его и годы, видишь ли, щадят.

Смотри... жена... О господи!.. Какая?

- По счёту-то? Восьмая.

- И разошлись уже?

- Уже!

Мол, не пришлись друг другу по душе.

- Ну что на свете деется - творится.

Да это просто срамота.

Не лезет ни в какие ворота.

Семьёю крепкой только и гордиться!

Ошибся б раз, ну два - куда ни шло,

А то поехало, пошло.

В делах сердечных вольности такие!

- Да в том, как жить из года в год,

Мы дали сто очков ему вперёд.

У нас ведь были свадьбы золотые!

В сохранности семейный наш очаг.

Живём в любви, согласии. Вот так!

А богатею нечем похвалиться.
Теперь ему перед самим собой
До часу смертного содеянным казниться,
Ведь он и сердцем, и душой,
Как дом заброшенный, пустой.
- А знаешь что? Давай-ка по рюмашке
За наши семьи хлопнем без промашки!

Чернушка и Черныш

Чернушка в жизнь пускала Черныша:
«На разум твой, моя душа,
Господь расщедрился не слишком.
Своим умишком
Не паживешь ты и гроша.
А жизнь достатком хороша.
Но не горюй, ты бравый с виду,
И силою тебя создатель не обидел.
Раз не выходит взять умом,
Возьми горбом.
Отдашь труду все силы без остатка,
Не будешь без достатка.
Ступай, дружок. Пришла твоя пора.
Ни пуха ни пера!»

Черныш к дружкам уходит со двора:
«О'кей, клохтуха!
Согласен! Ни пера, ни пуха!
Вот будет страху!.. Стало быть втроём...
Подловим... ночью... птицу побогаче...
Свернём ей голову. До питки оберём!
Ощиплем! Наголо! На страх всем зрячим!»

Вот через год он, счастлив, горд собою,
Ухоженный от гребня до когтей,
Позванивая шпорой золотою,
Является к наставнице своей.

Уж так была Чернушка рада:
«Мой Чернышок! Моя отрада!
Красавец-то какой!
А как разряжен, бог ты мой!
Рябит в глазах от золота, брильянтов».

Черныш напыжился: «Дык я не без талантов!
Всем птицам клюв утер!
Я туз! Столб общества! Элита!» -

«Столп, столп, дурашка... Мелешь вздор...
Ох, тяжело птицам!.. Три бандита...
А может, больше их... Все шито-крыто...
Да побори их прах!
Ведь птиц сгубили за год страх!
Ни дать, ни взять убийцы-психопаты!» -
«Молчать! - вскричал Черныш. -
Ругать нас, сатана!
Дыши покуда. До заката.
А там дружки придут. И всё, тебе хана!»

Такой удар - удар кинжала.
Чернушка разом замертво упала.
...Но всё ж оправилась она
И перед гибелью своею
С насмешкою сказала лиходею:
«Ты нос всем извергам утрёшь,
Когда меня столбом своим убьёшь».
Дружки пришли, когда совсем стемнело.
И скоро посреди двора
Невинной жертвы тело коченело.
Голо - голешенько.
Ни пуха, ни пера.

Участь старика

Старик у всех прохожих на виду
Ревмя ревел на лавочке в саду...

Одна старушка села с ним рядком:
«Эй, старина!
Кругом весна - красна!
А ты сидишь и слёзы льёшь ручьём.
О чём?»

Ревун повсхлипывал, отерся рукавом:
«А ты... послушай старика...
Я прожил... три четвертака...» -
«А что б да век прожить? Ну как?
Достанет сил ещё на четвертак?» -
«Куда!.. С полдюжины хвороб...
Того и жди... загонят в гроб...
То бросит в жар, то бьёт озноб...
То... что-то... с головой...
Таков уж, видно, жребий мой...
Был сам себе я... злейший враг...» -
«Что так?» -
«Не жизнь была, а... кавардак...
Все карты да рулетка... в казино...
Вино да шлюшки... Шлюшки да вино...» -
«Запой были?» - «И не говори...
Неделю, две, а то и три...
Ночей от дней... не отличал...
И сам себя... не узнавал...
А как-то бес понутал, так погром
Устроил в ресторанчике одном...» -
«И что ж потом?» -
«Баланда... Нары... Дикая тайга...
И дикая тоска.
На шкуре собственной познал лесоповал.
Десятку в Магадане отмотал

Денек в денечек, от звонка и до звонка.» -
«А что сейчас?» - «Не с тощим кошельком...
Слыву... удачливым дельцом...
И банк один швейцарский мне знаком...
Зимой женился... Славная жена...
Двадцатый годик ей.. Она
Душой и телом мне верна...» -
«Так ты ж в деда годишься ей!» -
«В мужья гожусь я... жёнушке своей...
Ух!.. Ух!.. Зараза... Ногу как свело...
Мм... Мм... Ну, кажется, прошло...
Всю жизнь прожил я бобылём...
Теперь... хе... хе.. в капусточке найдем...» -
«Ну старикан! Ну бес! Чего ж
Сидишь тут и ревёшь?
Пентюх такой!
Вскочил бы, ноги в руки и домой!» -
«Вскочил бы... побежал бы... а куда?
Как раз вот в этом... вся моя беда...
Чего сию? Чего реву?
Да я забыл, где я живу... У-у... у-у!»

